

2012 год — ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

— Михаил Карпачёв —

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ИСТОРИКА

Нынешний год объявлен годом российской истории. Наверняка не случайно. История всегда была и остается сильнейшим средством духовного воспитания общества, а в арсенале политиков — еще и острым идеологическим оружием в конкурентной борьбе. Между тем судьба исторической науки в нашей стране складывалась сложно, подчас противоречиво и даже драматично. Каждый из читателей непременно встречал людей, утверждающих, что они не любят историю, точнее, историческую науку. Немало и тех, кто полагает, что относится к ней равнодушно. Честно говоря, у скептиков есть основания. В отличие от точных наук, историки не могут повторить экспериментов. Каждое ушедшее в прошлое событие по-своему уникально, а оценки его влияния на судьбы людей в огромной степени зависят от политических и иных пристрастий или от культурного облика исследователей. И если физик, химик или математик могут экспериментально подтвердить достоверность своих изысканий, то историкам зачастую приходится вести упорные дебаты по ключевым проблемам своей науки.

Как непосредственный участник многочисленных научных споров нахожу для себя известное оправдание за такое положение любимой науки в громадной сложности исторического познания. Исследование деятельности даже одного персонажа недавнего прошлого нередко представляется сложной научной задачей. Мотивации поступков деятелей любого масштаба зависят от множества обстоятельств объективного и субъективного свойства. Что же тогда говорить об изучении пройденно-

го человеческим обществом пути, в котором проявлялось бесконечное число всевозможных мотивов и последствий большого и малого значения?

Но, как ни странно, заведомая дискуссионность исторических исследований, способна не только разочаровать ценителя точного знания. Очень часто как раз напротив. Противоречивость и относительность многих оценок прошлого чрезвычайно сильно стимулирует бойкую активность многочисленных дилетантов, без всякого смущения готовых мгновенно предложить решение самых трудных проблем истории. При этом невежественные суждения и оценки зачастую преподносятся в самом воинствующем тоне, а в позиции возможного оппонента усматривается заведомая глупость или даже национальное предательство. Складывается довольно забавная картина. В сферу исторической науки нередко и без особых сомнений позволяют себе вторгаться представители самых разных наук. При этом, не стесняясь решительно опровергать давно устоявшиеся основы фундаментального исторического знания. Обширный шлейф мнимых сенсаций, произведенных математиком академиком А. Т. Фоменко — яркое тому подтверждение. Не могу не видеть в этом явлении известное высокомерие представителей точных наук. Они прекрасно знают, что ни один, даже очень эрудированный историк не может позволить себе беспепелляционной критики новейших достижений, скажем, в области решения дифференциальных уравнений.

На этот счет могу заметить. За подобное неравноправие, как и вообще за пренебрежительное отношение к своей истории рано или

поздно приходится платить горькую цену. Забвение прошлого (преднамеренное или по невежеству) или искусственная деформация представлений о своем прошлом грозит деградацией духовной жизни, а падение духовности, в свою очередь, ведет к общему бескультурью, падению нравов, безответственности. Без всяких натяжек можно сказать, что забывший свою историю народ не способен ни работать, ни жить по-человечески.

Однако подлинное осмысление исторического прошлого своего народа требует мужества. История — не забава, а прежде всего строгий и суровый учитель, которого никогда и никому не удавалось обманывать подолгу. За попытки приручить ее, сделать послушной служанкой, за насилие над ней, или, говоря современным языком, за ее фальсификацию, она мстит жестоко и неотвратимо. Больно карает история и за высокомерие, за чванливый отказ усваивать ее уроки. Как ни крути, но история — это самый надежный способ самопознания народа. История — это своеобразное зеркало народной души, и заглядывать в него бездумно нельзя. Очевидно, при этом, что уровень исторической образованности как общества, так и власти в огромной степени зависит от труда историков.

Между тем, добывать подлинное историческое знание было не просто всегда. А в нашей стране судьба исторической науки складывалась особенно драматично. Не случайно в общественном мнении широко распространилось мнение о том, что Россия — страна с непредсказуемым прошлым. Хотя начиналась отечественная историография совсем неплохо. Бурный процесс становления общественного самосознания, развернувшийся в России в XIX в., ярко проявился в области исторической науки. Новизна и масштабность стоявших задач вдохновила русских историков той поры на подлинные научные подвиги. Сначала Н. М. Карамзин создал воодушевляющую «Историю Государства Российского», а затем монументальный 29-томный свод «Истории России с древнейших времен» написал С. М. Соловьев. Блестящим исследователем и популяризатором подлинного исторического знания стал В. О. Ключевский. За классиками выростала целая плеяда талантливых последователей и учеников: С. Ф. Платонов, А. А. Корнилов, П. Н. Милюков, Н. И. Киреев, П. Г. Виноградов и многие другие.

Но после Октябрьской революции 1917 г. естественное развитие отечественной историографии подверглось радикальной де-

формации. Установление советской власти воспринималось победителями-революционерами как полное отрицание старого режима с его дворянским (или буржуазным), но непременно классово чуждым наследием. Последовало массовое уничтожение памятников царям и прочим государственным деятелям прошлого, переименование улиц и городов. Амбициозные строители светлого будущего не нуждались в историческом наследии. Отряхнув прах с своих ног, революционные мечтатели посчитали, что теперь-то только и начинается подлинная история, а сами они не нуждаются больше в услугах прежних интерпретаторов прошлого. По этой причине уже в 1919 г. последовало закрытие исторических факультетов в университетах советской России, а вскоре фактически было прекращено преподавание гражданской истории и в школах республики. Взамен подраставшие поколения должны были усваивать азы марксистского обществознания (главным образом учение о борьбе классов) и готовить себя к миссии строителей коммунизма.

Разрушая памятники и храмы, «творцы нового мира» искренне полагали, что таким образом они избавляются от помех революционному созиданию. Скоро, однако, пришлось убедиться в том, что цена исторического забвения оказалась очень высокой. Быстрые темпы социалистического обновления и масштабная индустриализация первых пятилеток сочетались с невысоким качеством труда, аварийностью, экологическими нарушениями. Объяснить весь ворох недостатков одним только вредительством или пережитками капитализма не удавалось. К середине 1930-х гг., фактически отказавшись от ожидания мировой социалистической революции, руководители Советского государства осознали необходимость не только интернационального, но и патриотического воспитания своего народа. Постепенно приходило понимание того, что ни токарь, ни пахарь, ни инженер или медик не будут хорошо работать, если они останутся Иванами, не помнящими родства. Кроме того, в условиях капиталистического окружения следовало думать об обороноспособности страны, обеспечить которую без усиления патриотического воспитания молодежи было невозможно.

В 1934 г., обратившись с совместным письмом в партийный журнал «Большевик», И. В. Сталин, С. М. Киров и А. А. Жданов заявили о необходимости возобновить преподавание гражданской истории в учебных заве-

дениях СССР. Сразу же потребовались кадры педагогов. Поэтому было принято решение о восстановлении исторических факультетов в ведущих университетах страны. К их числу был отнесен и Воронежский государственный университет. Подготовка историков-профессионалов была возобновлена у нас в 1940 г.

Надо отдать должное дальновидности тогдашних руководителей страны. Грянувшая вскоре Великая Отечественная война с огромной силой подтвердила острую потребность в реабилитации исторической науки. Исследователи давно заметили, что в годы грозных испытаний в стране заметно понизился накал партийно-коммунистической пропаганды, зато огромное место в духовной жизни народа заняла патриотическая тема. В песнях военных лет зазвучали темы защиты родной земли, ее святынь. Народ пел о синем платочке, о любимых глазах, о родных городах и хатах. В речах и лозунгах высших руководителей зазвучали призывы вспомнить о подвигах славных предков, об Александре Невском, Дмитрие Донском, о Суворове и Кутузове. Акценты сместились самым радикальным образом: в первые годы после революции обо всех этих деятелях либо вовсе не вспоминали, либо подчеркивали классовую эксплуататорскую сущность их деяний. В частности, то, что Суворов был среди военных руководителей операций по подавлению крестьянской войны Емельяна Пугачева.

После войны профессия историка стала популярной, а на исторические факультеты был неизменно большой наплыв желающих стать студентами. Впрочем, высокие конкурсы объяснялись универсальностью исторического образования. Историков с университетским дипломом ждали в учебных заведениях и научных институтах, в партийных и комсомольских комитетах, в редакциях газет и в учреждениях культуры. В годы советской власти вузы не готовили политологов, социологов и культурологов. Все подобного рода обществоведческие специальности растворялись тогда в понятии «историк». Профессия, словом, давала хорошие шансы на политическую или административную карьеру.

Но способная молодежь тянулась и к научной деятельности. История оказалась не только необходимой, но и очень увлекательной наукой. Археологические раскопки, этнографические экспедиции, архивные изыскания увлекали уникальной возможностью постичь жизнь прошедших поколений во всем ее поразительном разнообразии. В послевоенные

десятилетия число студентов исторических факультетов постоянно, хотя и не резко, увеличивалось. Достаточно вспомнить, что, например, в ВГУ в 1950-е гг. обучалось ежегодно 25 студентов-историков, затем появились вечернее и заочное отделения с примерно таким же числом студентов. В 1960-е гг. набор на дневное отделение истфака был постепенно увеличен до 75 человек, на вечернее — до 50, а заочное — до 75. Примерно так же развивались исторические факультеты других классических университетов, скажем, Саратовского, Ростовского или Нижегородского.

Совершенствовалось и исследовательское мастерство историков. Улучшались методы поиска и отбора источников, их внешней и внутренней критики. В ходе возникавших дискуссий по ключевым проблемам оттачивалось качество исторического анализа. Однако качественное развитие исторической науки советского времени не было равномерным. Гораздо более высокими оказывались научные достоинства исследований давно минувших эпох. Случайным такое явление назвать нельзя. Дело в том, что в советской историографии с первых лет ее существования настойчиво внедрялось идеологическое единообразие. Единственно научной признавалась марксистско-ленинская методология анализа общественной жизни. Краеугольным камнем этой методологии является принцип сведения всех социальных процессов и явлений к материальным интересам определенного класса. При таком подходе классовая борьба интерпретируется как главная движущая сила исторического развития, а революции представляются локомотивами истории. Поэтому представители правящих слоев общества должны были, прежде всего, характеризоваться как выразители интересов эксплуататорских классов, глубоко чуждых трудящимся массам.

Вольно или невольно картина исторического развития страны искажалась. Оценивая, например, социально-экономическое положение народа России, учебники советского времени неизменно писали о его непрерывном ухудшении практически в любой период дореволюционной истории. Получалась весьма странная, если не сказать фантастическая картина. Отвечая, скажем, на вопрос об экономическом положении народа в первой половине XVI в., студент должен был привести данные о его ухудшении в сравнении с веком XV. Но в XVIII в., подчеркивал учебник, положение народа стало еще хуже. В XIX в. оно якобы продолжало непрерывно ухудшаться.

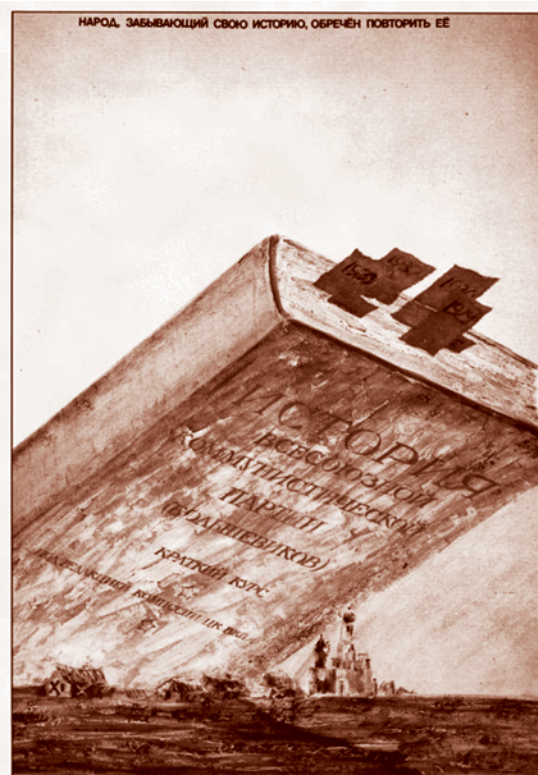
Словом, начиная с Киевской Руси и до октября 1917 г. народ только скудел и нишал. Зато после установления советской власти по официальной версии положение народа неуклонно улучшалось. Так предписывала изображать одну из граней исторического развития нашей страны официальная идеология. Следуя такой концепции, историки неизбежно (некоторые невольно, а многие вполне осознанно) фальсифицировали историю своей страны.

Увы, на этом трудности историков новейшего времени не кончались. Идеиная ущербность системы состояла в том, что сама идеология неизменно колебалась с переменой действующих лиц на вершине политической власти. Менявшаяся конъюнктура периодически побуждала историков менять оценки, как самих деятелей, так и связанных с ними событий. При этом знак плюс нередко менялся на минус и наоборот. Все это крайне негативно влияло на научный престиж исследований, особенно в области современной истории.

Очередной цикл коренного переустройства, настигший Россию на исходе XX столетия, привел к резкому усилению общественной потребности в объективном историческом знании, в трезвом и взвешенном осмыслении нелегких парадоксов российского исторического процесса. Крушение политического доминирования КПСС и снятие цензурных ограничений привели к небывалому прежде взлету исторических публикаций. Начался массовый пересмотр методологии научных исследований, резко расширилась их тематика. Однако эйфория, связанная с кампанией по ликвидации «белых пятен» или «черных дыр» в общественной памяти обернулась не только позитивными переменами в состоянии отечественной историографии. Само по себе освобождение от идеологических пут не гарантировало появления позитивных исследований современного уровня. Поначалу провалы исторического сознания частично компенсировались интенсивным переизданием сочинений корифеев дореволюционной исторической науки. Массовый читатель получил возможность переключить свое внимание с набивших оскомину псевдонаучных догм на подлинно качественные произведения от В. Н. Татищева до В. О. Ключевского. Однако достижения классиков минувших эпох не могли удовлетворить общественного запроса на подлинное историческое знание. Да и выход из кризиса, порожденного банкротством идеологического единообразия, был для историков очевиден. Надо было использовать получен-

ную свободу для творческого переосмысления старых проблем. Кроме того, в научный оборот вошли обширные пласты источников, прежде всего архивных, доступность которых была многие десятилетия резко ограничена. Можно вспомнить, как сильно возбудилось общественное мнение в нашей стране после провозглашения курса на развитие гласности.

На историческое сознание и историческую науку атмосфера внезапной гласности оказала сильнейшее воздействие. Начался беспрецедентный по размаху пересмотр устоявшихся оценок практически всех основных событий отечественной истории. Причем поначалу в публикациях на исторические темы возобладал разоблачительный тон. Тотальной (и во многом справедливой) критике подверглась история сталинизма и вообще всей эпохи строительства социализма. Соответствующим образом стала пересматриваться и история русских революций. Решительно изменилась и тематика исторических исследований. Закончились казавшиеся бесконечными панегирические изыскания, посвященные деятельности КПСС в самых разных сферах жизни общества. До самого низкого уровня упал интерес к истории революционного движения,

«Народ, забывающий свою историю, обречен ее повторить».
Плакаты. Худ. А. Ковалева, 1988

массовых протестных выступлений рабочего класса и крестьянства. На смену прежней проблематике пришли исследования, посвященные истории дворянства и предпринимательства, деятельности монархов, светских и духовных деятелей прежних режимов и эпох. Историческое сознание общества подверглось подлинной бомбардировке. Естественно, что такая погоня за исторической правдой перегружалась всевозможными сенсациями. Тиражи многих периодических изданий первых лет гласности достигли астрономических цифр и сейчас кажутся неправдоподобными.

Уклон в критику недостатков и пороков отечественной истории не был случайным. Сработал своеобразный эффект маятника: слишком долго историческая наука находилась под контролем казенного оптимизма. Гласность высветила многое. Стало ясно: фасад официальных заявлений о том, что советский народ, шествуя в авангарде всего человечества, вот-вот завершит построение коммунистического общества, скрывает великое множество нерешенных социальных проблем. Уклон в исследование «белых пятен» в отечественной истории рассматривался как верный путь к возрождению правды о пройденном государством и его народами пути. Однако последствия от такого постижения исторических истин оказались глубоко драматическими. Общественное сознание было сильно травмировано. В результате великая держава без особой защиты со стороны прежних ее патриотов стремительно распалась. Самоликвидация СССР действительно явилась неожиданной геополитической катастрофой огромного исторического значения. Можно с полной уверенностью сказать, что еще за 2–3 года до событий 1991 г. почти никто не мог предположить именно такого завершения истории советской власти. Ни у нас на родине, ни за ее рубежами.

Но для историка самое удивительное заключается в том, что нечто подобное с Россией уже случалось. И даже неоднократно. Именно с призыва к гласности начинал свое царствование император Александр II. Приняв престол на исходе неудачной для России Крымской войны, молодой император объявил о необходимости коренной перестройки социально-экономических и культурных отношений. Но для подхода к реформам требовался глубокий анализ назревших проблем русской жизни. Разгоревшееся во второй половине 1850-х гг. общественное обсуждение быстро свелось к яростным атакам на язвы и

пороки отечественных реалий. Массированному осуждению подверглись чиновничий произвол и страшное бездорожье, народная темнота и хозяйственная рутина, общественное бесправие и экономический застой. От обличительной кампании не уклонились даже славянофилы, неизменно призывавшие не забывать коренных преимуществ русского исторического пути. Горестным отчаянием дышали стихи А. С. Хомякова, обращенные к любимой родине:

*Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!*

*В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!*

Такая преувеличенная аффектация была прощительна только лидеру славянофилов и несомненному русскому патриоту. Иностранца за такие стихи вряд ли бы простили.

А ведь совсем еще недавно казалось, что свободное слово надолго умолкло в России, что в исторических исследованиях и в публицистике допустимы только те оценки, которые согласуются с пресловутой теорией официальной народности. От историков власти требовали подтвердить, что прошлое России было исключительно славным, настоящее — прекрасно, а будущее не может не быть великолепным. Понятно, что в обстановке гласности (впрочем, весьма еще ограниченной и дозированной) общественное мнение испытало тяжелое потрясение. Сверху блеск — снизу гниль, так определял теперь состояние страны даже такой крупный сановник как министр внутренних дел П. А. Валуев. Нечто подобное переживало наше общество и на рубеже XX—XXI вв.

Подобного рода зигзаги чреватые серьезной деморализацией общества. Одной из причин такой деморализации можно считать снижение доверия к научному творчеству историков-профессионалов. Собственно с этим явлением мы и столкнулись в первые же постсоветские годы. Однако кризис исторического сознания вполне преодолим. Прежде всего, потому, что тяга к историческому знанию относится к неистребимой потребности человека. Кажется, Гегелю принадлежит ставшее

расхожим суждение о том, что история учит тому, что она ничему людей не учит. Но это парадоксальное утверждение можно считать верным только отчасти.

Людам действительно свойственно легкомысленное отношение к урокам истории. Но история вообще-то непрерывно учит. Обжигшись однажды о горячую сковородку, ребенок обычно усваивает печальный опыт. Да и вообще без освоения исторического опыта общество развиваться не может. Вот почему такой острый интерес вызывают горячие дискуссии по ключевым вопросам истории, периодически ведущиеся на наших телевизионных каналах. Дискуссии эти полезны. Они в любом случае развивают гражданское самосознание. Но при этом заметно, что очень часто на оценки исторических событий решающее влияние по-прежнему оказывают политические пристрастия людей, а не аргументы. Замечено, что если человеку не нравятся аргументы, он предпочитает не обращать на них внимания. В такой ситуации спорщики ни в чем убедить друг друга заведомо не могут. Добросовестному историку в таком случае остается только терпеть и настойчиво расширять круг аргументов. Можно считать, что рано или поздно, но историческая правда все равно возьмет верх.

Но путь к историческим истинам тернист. Дело в том, что понятие исторической правды — относительно. Огромное значение понимания смысла исторических событий имеет угол зрения исследователя, а также уровень его культуры. О том, как под разным углом зрения оценивается одно и то же событие, может свидетельствовать, в частности, оценка итогов Бородинской битвы, решающего сражения Отечественной войны 1812 г., двухсотлетняя годовщина которой исполняется в этом году. Сам Наполеон и большинство зарубежных историков никогда не сомневались, что это сражение выиграли французы и их союзники. В отечественной же научной и общественно-политической мысли эта битва была и остается великим образцом мужества, стойкости и массового героизма российских

воинов. Поражение не могло бы вдохновить М. Ю. Лермонтова на прекрасные, исполненные истинного патриотизма и национальной гордости стихи.

Так кто же прав? Объективно мыслящий и добросовестный историк скажет, что, как ни странно, правы обе стороны. Весь вопрос только заключается в подходе к оценке. Если рассматривать сугубо военные аспекты сражения, да еще по критериям той эпохи, то остается признать, что поле сражения было выиграно Наполеоном. Ценой огромного напряжения сил и больших потерь, французским войскам удалось овладеть всеми основными позициями русских дивизий. Нельзя забывать, к тому же: русские командующие, в том числе М. И. Кутузов, считали, что разгоревшееся 26 августа сражение — это битва за Москву. А древняя русская столица была все же занята врагом.

Однако ход войны скоро показал, что и Бородинское сражение и взятие Москвы оказались решающими шагами на пути к общему крушению нашествия. Отступив, русская армия при поддержке народа сумела быстро восстановить силы и, в конце концов, вытеснить противника из пределов Отечества, а затем пройти освободительными заграничными походами вплоть до Парижа. Так что, рассуждая стратегически, надо признать Бородинскую битву решающим сражением, предопределившим общий исход Отечественной войны. При этом нельзя не отметить великодушие наших предков. На поле Бородина рядом с русскими памятниками стоит, ничуть не оскорбляя наших патриотических чувств, внушительный обелиск, поставленный по просьбе правительства Франции в память о павших воинах армии Наполеона.

Количество историков в стране сократить, конечно, можно. Но, повторяю, за снижение уровня исторической образованности всегда приходилось платить высокую цену. Подлинное знание своей истории развивает не национальную кичливость, не слепую, а настоящую и чистую любовь к родной земле.

